РАЗДЕЛ 6.

**М. Ю. ЛЕРМОНТОВ И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Т. М. Степанова¹

**ЛЕРМОНТОВ И ЛЕРМОНТОВСКИЙ ТЕКСТ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ЛИТЕРАТОРОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Рассматриваются особенности восприятия личности и творчества М. Ю. Лермонтова писателями и публицистами Северного Кавказа, оцениваются основные тенденции, мотивы и образы осмысления лермонтовского текста в интеллектуальной прозе Северного Кавказа на материале книг аварца Расула Гамзатова «Мой Дагестан» и адыгейца Джамбулата Кошубаева «Палимпсест».

Ключевые слова: лермонтовский текст, личность, творческая биография, литературное и эпистолярное наследие, национальное самосознание, национальные образы мира, национальные языки, национальные стереотипы мышления, интеллектуальная проза Северного Кавказа.

Длившаяся более столетия отнюдь не мирная экспансия Российского государства на Кавказе вызвала, несомненно, то явление, которое принято в настоящее время называть «гуманитарной катастрофой». Но точно так же, как нельзя однозначно оценивать тот процесс, который сейчас рекомендовано называть «иго Золотой Орды», невозможно однозначно оценивать и опыт «Кавказской войны», ее непосредственные и отдаленные последствия. К примеру, такой исключительно важный и непростой период в контексте темы «Россия – Кавказ», как советский период. При всей его неоднородности, сложности и порой драматизме и даже трагизме, вызванных

¹ СТЕПАНОВА Татьяна Маратовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, Россия. Электронная почта: stepanova.maykop@gmail.com.

обстоятельствами глобального общероссийского и локального характера, сущность данного периода может во многом рассматриваться как положительная альтернатива явлениям, подобным Кавказской войне.

Многие представители интеллигенции северокавказских народов, особенно тех, которые, к счастью, не подверглись репрессиям, с полной ответственностью заявляют, что именно Октябрьская революция и ее последствия (этот процесс приближается сейчас к своему столетию), позволили им сохраниться как этносу в результате прежде всего культурной и образовательной политики советского государства.

В контексте вышесказанного рассмотрим особенности национального восприятия личности и творчества М. Ю. Лермонтова литераторами Северного Кавказа. Актуальность данной темы обусловлена важностью исследования особенностей научного, публицистического, художественного восприятия «лермонтовского текста» (личности, творческой биографии, литературного и эпистолярного наследия Лермонтова) в контексте национального самосознания, национальных образов мира, национальных языков, национальных стереотипов мышления народов Кавказа. Представляется необходимым установление основных градаций рецепции и трансляции «лермонтовского текста» филологами, публицистами, литераторами и деятелями искусства Северного Кавказа и в ракурсе этнической истории, этнокультуры, этнопсихологии, этнолингвистики в данном полиэтническом, поликультурном и поликонфессиональном регионе.

Современное лермонтоведение в исследованиях XXI века системно изучает универсалии его художественного мира, включая и «кавказский хронотоп», вопросы рецепции «лермонтовского текста» в литературоведении и художественном творчестве, однако комплексного и фундаментального исследования соотношения «лермонтовского текста» и «кавказского текста» не существует, как и историографии проблемы.

В ставшей уже эталонной Антологии ставропольского лермонтоведения [5] многоплановый *ставропольский текст*¹ о Лермонтове выглядит комплексно, в виде стройной систе-

¹ Здесь и далее курсив автора.

мы. В противовес этому ощущается явная недоисследованность, недооцененность рецепции «лермонтовского текста» в «кавказском тексте» в целом. Сведения об этом вопросе эпизодичны, скудны, разобщены, не систематизированы [см. 7]. Творчество Лермонтова в восприятии культуры Северного Кавказа представлено в вышеупомянутом издании также достаточно скромно, хотя и в наилучших образцах (Л. П. Семенов, А. В. Попов, С. А. Андреев-Кривич и др.), что, естественно, объясняется отсутствием совпадения таких понятий и явлений, как Ставрополье и Северный Кавказ. Литература Северного Кавказа при всей ее самобытности и неповторимости (и, возможно, именно поэтому) является неотъемлемой и органической частью мирового литературно-художественного процесса. Общие и частные вопросы взаимодействия мировой, русской и северо-кавказских литератур неоднократно рассматривались в работах Н. Надъярных, К. Султанова, А. Чагина, Л. Бекизовой, А. Схаляхо, Л. П. Егоровой, Е. Шибинской, К. Шаззо, У. Панеша, А. А. Ворожбитовой, Н. М. Шишховой, И. Н. Хатковой, Т. М. Степановой и других исследователей, однако тема «“Лермонтовский текст” в восприятии интеллектуальной прозы Северного Кавказа» еще ждет своего осмысления.

Развитие интеллектуальной прозы, в частности лирической документалистики и публицистики (так называемых вне-родовых форм литературного творчества, к которым относятся (по разным основаниям) очерк, эссе), в литературах Кавказа длительное время не принадлежало к числу магистральных направлений литературного процесса. Это объясняется целым рядом как объективных, так и субъективных причин. Лермонтовская тема, естественно, хотя поначалу и мимолетно, также возникает в ряду этой прозы – интеллектуально-документальной, лирико-исповедальной, эссеистической. Одним из первых на стыке трех этносов и культур (грузинской, русской и еврейской), начиная с 1930-х годов, к этой теме и этой форме обратился Ираклий Андроников, сделавший М. Ю. Лермонтова центральной фигурой своего увлекательного интеллектуального поиска. Определенное место эта тема займет в необычной по стилистике многообразной в жанровом и стилевом отношении (миниатюры, притчи, лирическая, психологическая, иронично-гротесковая) прозе *аварца* Расула

Гамзатова «Мой Дагестан» (1967–1970). Эта тема пунктиром проходит и в ставших синтезом литературной критики, художественной публицистики и эссеистики книгах кабардинца Алима Кешокова «Вид с белой горы» (1974), размышлениях и эссе «Так растет и дерево» (1975) балкарца Кайсына Кулиева, адыга Исхака Машбаша... В последнее десятилетие появятся книги «новой формы», не лишённые освежающего влияния постмодернизма, посвященные судьбам русских писателей в их взаимосвязях с Кавказом – Ю. Чуюко (Адыгея) «Милосердие черных гор, или Смерть за Черной речкой» (о А. С. Пушкине), Дж. Кошубаева (Кабардино-Балкария) «Палимпсест» (о М. Ю. Лермонтове).

В данной статье воплощение «лермонтовской темы» будет рассмотрено на материале произведений интеллектуальной прозы, эссеистики Северного Кавказа – книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан» в контексте публицистики и книги Дж. Кошубаева «Палимпсест». В предисловии к тому своей публицистики Р. Гамзатов напишет: «Статьи <...> я рассматриваю как своеобразное приложение к моей книге прозы. Все они были в разное время опубликованы. <...> И мне важен не год, когда увидела свет та или иная статья, а как все они сейчас дополняют “Мой Дагестан”» [2, с. 5]. Вместе с тем большинство рассматриваемых нами статей, так или иначе связанных с лермонтовской темой, судя по контексту, хронологически предшествуют «Моему Дагестану» (1967), следовательно, относятся к 1950–1960 годам, т. е. уже достаточно отдаленной от нас довольно специфической эпохе. По этой причине в заголовках некоторых из этих в большинстве своем газетных материалов звучит известная риторика. В то же время автору удастся не быть в плену стереотипов времени, сохранять свежесть восприятия, оригинальность и непосредственность мышления, яркость и образность выражения мысли. Естественно, имя Лермонтова поэт упоминает не так часто, «лермонтовская тема» не является центральной для гамзатовской публицистики, и в то же время значимость ее неоспорима, она «вписана» в контекст личности и судьбы как аварского поэта, так и Дагестана, и Кавказа в целом.

Впервые имя Лермонтова прозвучит у Р. Гамзатова в «Автобиографии» 1960-х годов: «Москва и Литературный инсти-

тут научили меня держать в руке перо, научили меня сидеть, склонившись над белой бумагой, научили меня думать, научили меня любить и ценить святое чувство недовольства собою и своим словом... Там я понял, что долгое время принимал за золото стертые пятаки, по очереди влюблялся в разных поэтов: в Блока, Маяковского, Есенина, Пастернака, Цветаеву, Багрицкого, аварца Махмуда и немца Гейне. Но любовь к Пушкину, Лермонтову, Некрасову осталась навсегда неизменной» [2, с. 230]. Естественно, что имена *Пушкин, Лермонтов, Некрасов* в данном контексте не являются дежурным набором имен, горский поэт выстраивает здесь градацию великих поэтов, выделяя среди них именно этих.

«Лермонтовский текст» у Гамзатова всегда фигурирует в кавказском этническом и этнокультурном контексте: «Русскую литературу я узнал еще в детстве, ее прелесть я ощущал еще до того, как стал брить пушок над губой». Упомянув, что «учил наизусть “Деревню” Пушкина в дивном переводе Гамзата Цадаса», поэт признается: «Я и сам переводил – своего любимого *Лермонтова*, “Полтаву” Пушкина [2, с. 230].

В статье «Песни безымянных певцов. Народная лирика Северного Кавказа» [2, с. 232–234] имя Лермонтова звучит только один раз, ему предшествует обширная преамбула, в которой фигурирует множество других имен, и в то же время его имя абсолютно необходимо: «Не пером написана история горских народов – она написана кинжалами, серпами, копытами коней, надмогильными памятниками. Не чернилами написаны горские песни – они написаны слезами и кровью. Народные песни и колыбельная – первое, что слышит человек, и похоронный плач – последнее, что звучит над человеком. Песня, которую он уже не слышит. Народные песни – в них страдают влюбленные, погибают герои, ими оплакивают умерших и проклинают врагов» [2, с. 232]. Сам цитируемый текст, посвященный национальной народной песенной лирике, формой своей аналогичен форме песенного жанра: повторы, анафоры, параллелизм придают тексту ритмичность и мелодичность. Но главная цель этого замечательного фольклористического эссе – не его форма, а его мысль о драматичности судеб поэтов из кавказских народов:

«Каждая из песен, созданных на языках малочисленных народов, имеет свою большую горестную и смелую биогра-

фию, схожую с историей жизни певцов. Мы не знаем создатель этих песен, но, наверное, эти люди были похожи и на Коста Хетагурова, и на Кязима Мечиева, и на Сулеймана Стальского, и на Гамзата Цадаса, и на многих других вдохновенных и мудрых певцов наших гор» [2, с. 233]. Поэт обоснованно устанавливает их место в мировом литературном процессе, сопоставляя их с такими абсолютными величинами, как Гомер и Данте, Шекспир и Пушкин.

Народных поэтов Кавказа по уровню их значимости Р. Гамзатов уподобляет историческим и одновременно легендарным персонажам: «Они были, наверное, так же храбры, как Хаджи-Мурат, могучи, как нарты, красивы, как Камалил Башир, остроумны, как Молла Насреддин» [2, с. 233]. Но тут же, без всякого перехода, писатель говорит о невероятных страданиях, выпадавших на долю этих людей: «Одних певцов убивали из-за угла, как Махмуда, других отравляли ядом, как Эль-дарилава, третьих в кандалах угоняли в Сибирь, как Ирчи Казака, четвертым выкалывали глаза, как Саиду Кочхюрскому, пятым сшивали губы, как Анхил Марин. Кто они – великие страдальцы? Где их могилы? На какие надгробья нам, благодарным потомкам, возлагать венки любви и благодарности за волшебные песни?» [2, с. 233].

И вот на этом трагедийном фоне, в этом контексте, появляется имя Лермонтова, в восприятии Р. Гамзатова стоящего в одном ряду с ними: «Не удивительно, что звуками этих песен был очарован *поручик Тенгинского полка Лермонтов*, а Лев Толстой записывал прозаические пересказы этих песен у своих кунаков в наших аулах и считал, что “песни гор – сокровища поэтические, необычайные”» [2, с. 233]. Неспроста Лермонтов здесь назван не каким-либо именем, идентифицирующим его творческую, художественную принадлежность, а обозначен в качестве подневольного, ссыльного офицера царской армии.

В статье под названием «Стать взрослыми» молодой Р. Гамзатов переводит лермонтовскую тему в особую плоскость, не только «увязывая» ее с современностью и с собственной индивидуальной судьбой, но и вводя ее в широкий контекст «кавказского текста». Он пишет: «...Прошел еще один год. Я словно стою на границе двух возрастов... Минувшей осенью в столице Дагестана собрались поэты лермонтовского

возраста, чтобы возложить венки стихов к памятнику своему Великому ровеснику, сыну прошлого века. Были среди них и те, кому за двадцать семь, и те, которым еще нет двадцати семи. Я слушал моих горячих кавказцев. Казалось, сам Лермонтов, “презрев времена”, сошел к нам и, одетый в косматую бурку, сотканную руками аварских женщин, зримо, осязаемо присутствует на нашем поэтическом мажлисе – съезде <...>.

В тот вечер молодые поэты седого Кавказа восхищенно говорили о Лермонтове, о его могучем, зажигающем душу таланте. Пусть мои молодые собратья и земляки простят мне, но не их темпераментные речи и стихи я слушал на вечере. Я был занят Лермонтовым. Я разговаривал с ним. И не гением Лермонтова я был удивлен в тот вечер. Я думал, до чего же взрослый этот юноша-поэт. Вот что меня всегда восхищает в Лермонтове: не только годы делают людей взрослыми.

Биография человека, не сумевшая вобрать в себя большие события жизни, личность, не сумевшая стать в центре этих событий, не может стать также биографией взрослого человека» [2, с. 282]. Хотя, казалось бы, в данном случае звучат совершенно тривиальные вещи, на самом деле образ поэта и его уже мифологема поданы без хрестоматийного глянца, с глубоким и сдержанным проникновением в драматизм его судьбы в параллелях с современностью в духе кавказской ментальности.

«Мой Дагестан», значимый и глубокий феномен интеллектуальной прозы Северного Кавказа, одновременно является ярким выражением национального характера, отраженного в нем, в частности мощным фольклорным присутствием, и, далее, – диалога культур. И одновременно это – нарративное повествование, включающее и «лермонтовскую тему», в чем личность автора-нарратора выполняет, конечно, лидирующую роль:

«Я аварец, таковым родился и другим мне не быть. Первые люди, которых я увидел, открыв глаза, были аварцы. Первые слова, которые я услышал, были аварские. Первая песня, которую мне пропела над колыбелью мать, была аварская песня. Аварский язык сделался моим родным языком. Это самое драгоценное, что у меня есть, да и не только у меня, но у всего аварского народа. Аварцев не много, всего лишь триста тысяч. Но это и не мало». Сделав такой эмоциональ-

но-лирический экскурс в этно-лингвистическую ситуацию, Р. Гамзатов обращается к современному положению вещей: «Трудно представить себе то время, когда аварцы жили без Пушкина, не читали Лермонтова, ничего не слышали о Толстом, не наслаждались чтением Чехова» [2, с. 165]. И далее писатель формулирует традиционную для него притчеобразную триаду, объединенную вновь тремя великими именами: «Отец говорил: великое счастье, что и в горах выросло дерево *Пушкина*, на котором, сколько его ни тряси, не кончаются сладкие, сочные плоды. Абуталиб говорил: спасибо тем, кто привел ко мне, в полутемный подвал, дорогого *Чехова!* А я говорю: не склонился Кавказ перед генералом, но склонился перед стихами *молодого поручика* [2, с. 30].

Еще один эпизод «Моего Дагестана», связанный с *лермонтовской темой*, создан, пожалуй, в распространенной на Востоке (на Кавказе в том числе) форме *хабара* (араб.) – первоначально *весть, новость*, в дальнейшем – устный рассказ, чаще забавного или поучительного содержания: «У меня был курьезный случай. <...> У нас-то в стране теперь, пожалуй, никто не скажет, что Дагестан находится в Туркестане, но в какой-нибудь далекой стране приходилось мне вести разъяснительные разговоры вроде этого:

<...> – Черкесы живут в Черкесии, а дагестанцы живут в Дагестане. Толстой... Хаджи-Мурат... Толстого читали? Бестужев-Марлинский... *Лермонтов*, наконец: «В полдневный жар в долине Дагестана...» [2, с. 37]. Итак, именно Лермонтов подтверждает «права гражданства» этой страны, благодаря чему Р. Гамзатов ощущает своеобразное родство с великим поэтом, чувство гордости по этому поводу.

Вспоминая же с горечью, обидой и негодованием о мрачных событиях Кавказской войны: «увезли имама (Шамиля. – Т. С.) из Дагестана. Настроили крепостей с амбразурами во все стороны. Пушки и ружья смотрели из амбразур. Они хотя и не стреляли, но как бы говорили: “Смирно сидите, горцы, ведите себя хорошо и тихо»», Р. Гамзатов уточняет: «Но даже в то глухое время звучали голоса *Лермонтова*, Добролюбова, Чернышевского, Бестужева-Марлинского, Пирогова... Да, были в царской России люди, понимавшие душу горца, сказавшие добрые слова о народе Дагестана. Если бы горцы могли

тогда понять их язык!». И в продолжение темы он напишет: «Язык не враждует с языком. Песня не убивает песню. Оттого, что в Дагестан пришел Пушкин, Махмуд не должен покидать родные края. *Лермонтову* незачем подменять Батырая. <...> Бестужев-Марлинский вставил в свою книгу дагестанские песни, и Белинский сказал о них, что они ценнее, чем сама книга. Он сказал, что и Пушкин не постыдился бы назвать их своими. Песни горцев слушал в Темир-Хан-Шуре *юноша Лермонтов*. И хотя он не понимал нашего языка, но наслаждался ими» [2, с. 34], – вновь возвращается Р. Гамзатов к излюбленному мотиву.

И вновь в подтверждение этого тезиса рассказывает историческое предание, в котором отводит главное место русскому поэту. Пример того, как отчаяние плененного горца универсальной силой душевного порыва в колоритном вокальном проявлении не оставляет равнодушным русского офицера и сменяется радостью освобождения:

«Я подумал, что мне конец. С офицером пришел еще один человек, который знает наш язык. Он меня спросил: “Офицер хочет знать, о чем ты поешь. О чем твоя песня? Спой мне еще раз”. Я стал петь о горящем Дагестане. Меня просили спеть еще. Я спел о бедной маме, о любимой жене. Офицер слушал и смотрел в сторону гор. А горы были окутаны облаками. Он сказал караульным, чтобы меня отпустили. Человек, который знал наш язык, сказал: “Этот офицер освобождает тебя. Ему очень понравились твои песни, и поэтому он отпускает тебя на родину”. После этого иногда я думаю: может, и Дагестану петь бы всегда свои песни, а не проливать кровь. <...> С тех пор Моллу-Магомед люди называли Магомедом, которого спасла песня. Нужна была песня, чтобы спасти Дагестан. Но всякий ли понял бы ее, как понял тот офицер? И кто же это был? Не поручик ли *Лермонтов*? Он ведь тоже сражался у Валерика» [2, с. 34].

И еще в одном контексте упоминается имя Лермонтова. Р. Гамзатов размышляет о вечном конфликте культурной и военной истории: «Если бы иранские шахи пришли в Дагестан не с огнем и мечом, а с мудростью Фирдоуси, с любовью Хафиза, с мужеством Саади, с мыслью Авиценны, им не пришлось бы убегать без оглядки. В Нишапуре я посетил могилу

Омара Хайяма. Там я подумал: “Мой друг Хайям! Пришел бы ты к нам тогда вместо шаха, с какой бы радостью приняли тебя народы гор”. Уже создавалась алгебра, а мы не умели еще считать. Уже звучали грандиозные поэмы, а мы еще не умели написать “мама”. Сначала мы узнали русских солдат, а потом уж русских поэтов. Если бы горцы прочитали Пушкина и Лермонтова, может, и сама история пошла бы по другому пути. Когда горцу прочитали вслух “Хаджи-Мурата” Толстого, он сказал: “Такую умную книгу мог написать только бог, но не человек”» [2, с. 45].

Последний поклон Лермонтову и его собратьям – русским писателям – приносит Р. Гамзатов в главе «Ключи от замков Кавказа»: «Про Дагестан говорили: “Как ненаписанная, неспетая песня, лежит эта страна в каменном сундуке. Кто достанет ее, кто напишет и кто споет?” Буквы, слова, книги – ключи от замка, на который закрыт тот сундук... Сами дагестанцы еще не держали пера в руке, а многие гости, путешественники, ученые-исследователи писали уже о Дагестане на других языках: арабском, персидском, турецком, греческом, грузинском, армянском, французском, русском... В старинных библиотеках я ищу, Дагестан, твое имя и нахожу его написанным на разных языках. Упоминается о Дербенте, Кубачи, Чиркее, Хунзахе. Путешественникам спасибо. Они не могли понять тебя во всей глубине и сложности, но все же они первыми вынесли твое имя за пределы наших гор. А потом сказали свое слово Пушкин, Лермонтов: “В полдневный жар в долине Дагестана / С свинцом в груди лежал недвижим я...”» [2, с. 112].

На протяжении почти полувека после выхода в свет книги Р. Гамзатова в литературах Северного Кавказа активно развивается русскоязычная проза, представленная писателями-билингвами (кабардинцами М. Емкужем, Дж. Кошубаевым, А. Балкаровым, В. Мамишевым, балкарцем Б. Чипчиковым, чеченцами Г. Садулаевым, Лулой Куни, осетинцами А. Черчесовым, Д. Бугуловым, Т. Кибировым и др.).

«В условиях транскulturации практически невозможно избежать влияния неких “всеобщих тенденций”, даже в пределах устойчивой традиционной культуры. В этом смысле современные литературные произведения являются результатом многочисленных явных и латентных влияний не только

регионального, но и более широкого масштаба – российского, мирового, поскольку художественное сознание формируется в пространстве открытых информационных границ.

Проявляется и общий доминантный вектор в системе важнейших координат современных произведений как российских русскоязычных писателей, так и авторов, пишущих на родном языке: новое, чаще всего глубоко драматическое видение исторического прошлого и будущего своего народа или этноса, а также роли личности в новом мире, новой шкалы этических и эстетических ценностей» [8, с. 345].

В 2008 году в Нальчике вышла книга Дж. Кошубаева «Палимпсест» [4]. Точное значение греческого слова *палимпсест* (*palimpseston* (*biblion*)) – «рукопись на пергаменте поверх смытого и соскобленного текста». «Вверху текст автора, в середине *interpretatio*, т. е. очень близкий к тексту пересказ, внизу – примечания» – этим определением М. Гаспарова автор подкрепляет свое интеллектуальное расследование взаимодействия лермонтовского текста и кавказского текста. «Это не биография Лермонтова и не очерк творчества, а исследование. Впрочем, оно встраивается формально в литературный ряд романов-исследований на материале биографии, но Дж. Кошубаев не имеет аналогов в соединении “кавказского текста” и текста о феномене Лермонтова в их странном и драматическом переплетении» [8, с. 4].

Вехи возраста поэта здесь органично переплетены с возрастом пишущего о Лермонтове и читающего. «Личный опыт чтения Дж. Кошубаева, ощущающего некую мистическую связь с юностью поэта, из которой – главные его стихи, не становящиеся пережитым прошлым, а всегда остающиеся в настоящем» [8, с. 4]. Доктор культурологии Фатима Урусбиева вслед за Дж. Кошубаевым отмечает, что «время вечного юноши... романтической тоски, одиночества, несущего в себе особую мистику, особое состояние романтической поэзии вообще, для Лермонтова замкнуло круг его жизни и поэзии, связанный в своих высших проявлениях с Кавказом» [7, с. 4].

Многие кабардинские поэты поколения Кошубаева (год рождения 1962), разделили с ним «братство по Лермонтову». М. Геккиев перевел «Мцыри», Р. Ацканов девять поэм М. Лермонтова, А. Додуев достиг даже в мелодике адекватного со-

звучия со стихом русского поэта. По мнению Ф. Урусбиевой, Дж. Кошубаев открыл «новый жанр исследования феномена поэта на фоне культуры, эпохи» и актуальных русско-кавказских проблем.

Жанр этот, прямо скажем, не совсем нов, в том числе и в кавказском тексте *nonfiction* (И. Андроников, Э. Капиев, Р. Гамзатов и др.), но в исполнении Дж. Кошубаева достаточно актуален и одновременно уникален. Кошубаев «заполняет пустоты русско-кавказского диалога», «снимает патину с исторических свидетельств и исследований, подходя к самой непроговоренной проблеме из-за несопоставимости масштаба некогда воюющих сторон и самого масштаба оценки и памяти». Техника «Палимпсеста» такова, что лермонтовские образы самых личностных для Кошубаева стихов вывели его на «кавказский текст», ибо «нет поэта в России столь кавказского, как Лермонтов, – не по теме, не по культуре, а столь безоговорочно принятого самим Кавказом» [7, с. 4].

И самый верхний слой книги – заметки Кошубаева о современных ему поэтах-соотечественниках в категориях того универсума, который был в поэзии Лермонтова – Георгий Яропольский, Али Байзуллаев, Аркадий Кайданов, Руслан Семенов, Инна Кашежева. В кошубаевском прочтении смыслы поэзии современников оказываются близкими духу Лермонтова. Вектор этого слоя книги оказывается близок публицистике и интеллектуальной прозе о писательском труде Р. Гамзатова (1960-е) и Э. Капиева (1940), отдаленных от наших дней уже на целые полвека и более. Статика внутреннего пространства («Узник») и внутренний динамизм свободы, которая оказывается тюрьмой для Демона, – в такой антиномии Кошубаев видит вечный смысл поэзии.

Мы рассмотрели два произведения северокавказской литературы, написанных представителями разных этносов – аварцем Р. Гамзатовым и адыгом Дж. Кошубаевым с разницей в полвека, в аспекте лермонтоведения. Обе книги мы относим к так называемой интеллектуальной прозе, авторы которой, для того, чтобы передать целостность своего опыта, должны прибегать и к философским, и к художественным, и к историческим, и ко всем другим возможным способам воплощения. Метафора и понятие, факт и вымысел, гипотеза и аксиома, гипербола и

парадокс – именно на гранях и стыках этих разнородных приемов выявляется то, что не вмещается ни в один из них. Таким образом, неопределимость входит в самое существо эссеистического жанра (чтобы не называть его чересчур высокопарно – «сверхжанром», «синтетической формой сознания» и т. п.). Это их объединяет. Разность же этих произведений в аспекте лермонтоведения также очевидна, исходя уже из их заглавий. «Мой Дагестан» – предельно ясное, лапидарное понятие, состоящее из топонима-этнонима с притяжательным местоимением. Включение «лермонтовской темы» в смысловую конструкцию этого текста, казалось бы, минимальное, «точечное», отнюдь не сквозное. Вместе с тем у Гамзатова мы видим прочную и в высшей степени глубокую связь с поэтом. Для аварца Михаил Лермонтов – фигура, несомненно, знаковая и неоднозначная, в частности, именно в силу амбивалентности своего нахождения в пространстве Кавказа: с одной стороны – величайший поэт, с другой – поручик Тенгинского полка вражеской армии, о чем Гамзатов неизменно напоминает. Но, пожалуй, главное – это то, что Лермонтов ввел имя его родной страны в контекст мировой культуры, увековечил это имя, «создав» его «опознавательный знак» – «В полдневный жар в долине Дагестана», на материале которого, кстати, Георгий Гачев создал в параллели с балладой-легендой Христо Ботева «Хаджи Деметр» раздел своей знаменитой книги, посвященный болгарской и русской моделям пространства [3].

Книга Дж. Кошубаева с ярко выраженной нарративной подоплекой носит название «Палимпсест», сразу вызывающее ассоциации с постмодернистским изощренным метафоризмом и смысловой игрой. Но не только. Уже давно сложившийся и гениально реализованный в XX веке архетип *рукописей, которые не горят* (М. Булгаков) и *крипто-рукописей* (У. Эко), успешно реализован современным кабардинским писателем для нового прочтения «лермонтовского текста» сквозь призму «текста кавказского».

Использованная литература:

1. Ворожбитова А. А. Лермонтов в жизни и творчестве писателей-фронтовиков Северного Кавказа // Проблемы изучения и преподавания творчества М. Ю. Лермонтова. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. педагогического ин-та, 1991. С. 56–58.

2. Гамзатов Р. Г. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1969. Т. 3.
3. Гачев Г. Д. Болгарский и русский образы пространства (Ботев и Лермонтов) // Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. С. 114–159.
4. Кошубаев Д. П., Палимпсест. Нальчик: Эльбрус, 2008.
5. Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: антология: в 2-х т. / под ред. В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2007.
6. Схаляхо Д. С. Процесс утверждения и творческого усвоения художественных традиций А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова в творчестве И. Ш. Машбаша // Параллели и пересечения. Майкоп: Полиграф-Юг, 2012. С. 34–80.
7. Урусбиева Ф. А. Вечный смысл поэзии (о новой книге Дж. Кошубаева) // Кабардино-Балкарская правда. 2009. 21 нояб. С. 4.
8. Хакуашева М. А. Особенности развития адыгской русскоязычной прозы // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы северокавказских литератур в контексте общероссийского литературного процесса: перспективы развития на рубеже XX–XXI веков». Грозный: Чеченский гос. педагогический ин-т, 2012. С. 344–347.

LERMONTOV AND LERMONTOV'S TEXT IN ARTISTIC CONSCIOUSNESS OF NORTH CAUCASIAN WRITERS

STEPANOVA, Tatiana – Lett. D (Philology), professor, Adygean State University, Maikop, Russia.

E-mail: stepanova.maykop@gmail.com

By considering the peculiarities of perception of M. Lermontov's personality and literary works by the North Caucasian fiction and non-fiction writers, the author of the article sets the task to appraise the main trends, motifs and images of Lermontov's texts in the North Caucasian intellectual prose on the material of the books written by the Avar writer Rasul Gamzatov "My Dagestan" and the Adyge writer Dzhambulat Koshubaev "The Palimpsest".

Keywords: *Lermontov's text, literary and epistolary heritage, national (ethnic) self-consciousness, national (ethnic) images of the world, national (ethnic) languages, national (ethnic) stereotypes of thinking, North Caucasian intellectual (non-fiction) prose.*

References:

1. Vorozhbitova, A. *Lermontov v zhizni i tvorchestve pisateley-frontovikov Severnogo Kavkaza* (Lermontov in the lives and creative works of the North Caucasian writers – WWII veterans) // Problemy izucheniya i prepodavaniya tvorchestva M. Yu. Lermontova. Stavropol: Izd-vo Stavropolskogo gos. pedagogicheskogo in-ta, 1991. S. 56–58.
2. Gamzatov, R. *Sobranie sochineniy: v 3-kh t.* (Selected works in 3 vols.). M.: Khudozhestvennaya literatura, 1969. T. 3.
3. Gachev, G. *Bolgarsky i russky obrazy prostranstva (Botev i Lermontov)* (The Bulgarian and Russian space images (Botev and Lermontov)) // Natsionalnye obrazy mira. M.: Sovetsky pisatel, 1988. S. 114–159.
4. Koshubaev, Dzh. *Palimpsest*. Nalchik: Elbrus, 2008.
5. *Lermontovsyj tekst: Stavropolskie issledovateli o zhizni i tvorchestve M. Yu. Lermontova: antologiya: v 2-kh t.* / pod red. V. A. Shapovalova, K. Ye. Shtain (Lermontov's text: Stavropol scholars about M. Lermontov's life and works: An anthology. In two vols. / Ed. By V. Shapovalov, K. Shtain). Stavropol: Izd-vo Stavropolskogo gos. un-ta, 2007.
6. *Skhaliakho, D. Protsess utverzhdeniya i tvorcheskogo usvoeniya khudozhestvennykh traditsiy A. S. Pushkina i M. Yu. Lermontova v tvorchestve I. Sh. Mashbasha* (Process of ascertainment and creative assimilation of A. Pushkin's and M. Lermontov's literary traditions in the works by I. Mashbash) // Paralleli i peresecheniya. Maikop: Poligraf-Yug, 2012. S. 34–80.
7. Urusbieva, F. *Vechny smysl poezii (o novyy knige Dzh. Koshubaeva)* (An eternal essence of poetry (about Dzh. Koshubaev's new book)) // Kabardino-Balkarskaja pravda. 2009. 21 noyab. S. 4.
8. Khakuasheva, M. *Osobennosti razvitiya adygsКОЙ russkoyazychnoy prozy* (Peculiarities of the development of Adyghe prose in Russian) // Materialy I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Aktualnye problemy severokavkazskikh literatur v kontekste obshcherossiyskogo literaturnogo protsessa: perspektivy razvitiya na rubezhe XX–XXI vekov". Grozny: Chechensky gos. pedagogichesky in-t, 2012. S. 344–347.